

Kleine Geige -
großer Clown

МАЛЕНЬКАЯ СКРИПКА — БОЛЬШОЙ КЛОУН

ПРОДОЛЖЕНИЕ.
НАЧАЛО В № 19

ПЕРВЫЕ ГАСТРОЛИ

ким названием отель «К оленю» в деревушке Вилларет.

Но именно эта забытая богом деревушка Вилларет была первым местом на земле, где появились афиши с моим именем.

БОЛЬШОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ВАРЬЕТЕ В ОТЕЛЕ «К ОЛЕНЮ» ВЫСТУПЛЕНИЕ ИЗВЕСТНОГО МУЗЫКАНТА И АРТИСТА ВЕТТАХА МЛАДШЕГО

Я сам нарисовал этот плакат в четырех экземплярах и развесил в разных концах деревни.

Вы спросите, почему там стояло — известный?

О, счастливая юность! Мне казалось тогда, что это выступление — первая ступенька по крутой лестнице славы. А раз впереди ждет слава, значит я уже сейчас известный.

В этой же деревушке я впервые поставил

свое имя под контрактом. Это произошло так.

Однажды в числе зрителей (по-моему, он тогда вообще был единственным) находился господин Мизерей из городка Ле Локле. Он был старым приятелем моего отца и хозяином процветающего кафе. И вот он предложил мне и моей сестре сделать несколько выступлений в его кафе. За это он обязался уплатить нам по пятнадцать франков за вечер плюс то, что нам пожертвуют зрители. Таков был обычай.

Мой отец не возражал и Мизерей составил короткий контракт, который я и подписал, как «глава» артистической бригады.

В Ле Локле мы, действительно, имели успех. На наших выступлениях зал был всегда полон, люди аплодировали и смеялись от души. И когда после исполнения я обходил с тарелкой ряды, то почти каждый мой шаг сопровождался звоном монет.

Сегодня я прекрасно понимаю, что успех в значительной степени следует отнести за

счет того, что выступали дети. Хитрый Мизерей прекрасно это учел.

Общий доход за три дня составил 205 франков. Как безмерно я был горд, когда отдавал эти деньги отцу. Он в них так нуждался.

Окрыленный успехом, я решил с сестрой организовать настоящее артистическое турне. Завоевание мира началось, — решил я. Но оно очень быстро окончилось полным фиаско. Ни один человек не заинтересовался «Веттахом младшим». Мы выступали в харчевнях и третьеразрядных кафе и были рады, когда зарабатывали на еду и дорогу. Берн, Цюрих, Шаффхаузен и Биль — были свидетелями нашего провала. Особенно Биль! Там наш позор видели некоторые родственники и скандал разразился.

Они написали письма нашим родителям и как только мы с сестрой вернулись домой, застали нашу бедную мать в слезах. Вся семья не хотела больше ничего о нас слышать. «Позор и несчастье семьи!» — так теперь называли меня, а одна тетка предсказала, что я кончу свои дни на эшафоте.

НАКОНЕЦ Я ДЫШУ ВОЗДУХОМ ЦИРКА

После этого я перепробовал много профессий: учился на часового мастера, был кельнером, настройщиком роялей, воспитателем у юного венгерского графа, горничной в богатой семье, наконец, продавцом музыкального магазина в Будапеште.

Именно там меня случайно нашел один из руководителей эстрадно-танцевальных оркестров, нуждавшийся в веселом молодом человеке, умеющем по ходу действия менять инструменты.

Однажды, в перерыве между выступлениями, меня пригласил к своему столу человек, назвавший себя Массимо Шпитц. Я хорошо знал

это имя. Это был популярный клоун, выступавший в лучших цирках Будапешта. С волнением я принял его приглашение быть его партнером на манеже.

То был мой первый настоящий ангажемент. Мы со Шпитцем, что называется, спелись. Впервые я стал сочетать музыкальные номера с клоунскими антре. Не прерывая игры на скрипке, я делал сальто, флик-фляки и другие акробатические трюки. Об успехе говорит лучше всего сумма, которую я тогда получал: 20 крон в день. Это был недельный заработок такого высококвалифицированного ремесленника, как часового мастера.

Да, все это было бы хорошо, если бы с наступлением зимы цирки, не имевшие, как правило,

теплых помещений, не закрывались и артисты не проедали то, что зарабатывали летом.

Всех цирков, в которых мне приходилось работать в ту раннюю пору моей артистической деятельности, я уже не упомяну. В памяти сохранились лишь некоторые наиболее яркие эпизоды.

Как-то мне довелось работать у Вильсона. Сам хозяин был атлетом, а его жена поднимала тяжести. Этой удивительной женщине ничего не стоило подбрасывать меня в воздух, ловить и вновь подбрасывать. Их дочь Шарлотта была прекрасной танцовщицей на проволоке, впоследствии она вышла замуж за моего первого партнера Шпитца.

Казалось бы, цирк процветал. Но в конце концов и для него наступили черные времена. Хо-

зяин разорился. Я помню, как судебный исполнитель бесстрастно описывал все имущество Вильсона, включая лошадей, зверей, палатку, повозку. Это была жуткая сцена. И хозяин не выдержал. Могучий атлет неожиданно упал и умер на месте от разрыва сердца. Мы вновь остались без работы и кто знает, что бы приключилось со мной дальше, если бы меня не спасли, как когда-то Гулливера, самые настоящие лилипуты. Мы со Шпитцем и его женой были единственными «взрослыми» людьми в этом цирке. Но и там я пробыл недолго. Втайне от меня Шарлотта научилась играть на ксилофоне и некоторых других музыкальных инструментах. И я понял, что Шпитц хочет заменить меня своей женой. Все-таки так они могли больше заработать. И я расстался со своим партнером.

КАК РОДИЛОСЬ ИМЯ ГРОК?

Однажды в артистической газете Будапешта я прочитал объявление о том, что в музыкальный клоунский номер приглашается молодой человек, который умеет играть на скрипке и хорошо прыгать. Обращаться надо было в цирк Буро в Лионе к Ахиллу Конше.

Я написал письмо, мне ответили и вот я уже в новом коллективе. Цирк Буро работал в прекрасном, правда, деревянном помещении и пользовался солидной репутацией. Ахилл Конше, мой новый партнер, был первоклассным клоуном. Его жена музыкально оформляла номер, отлично играя на гитаре. Третьим партнером был его брат Рудольф, которого я и сменил.

Основной номер были акробатические трюки с одновременной игрой на скрипке. Музыкальную часть мы быстро отработали, но с акробатикой дело обстояло хуже. Вскоре я понял, почему братья расстались. Ахиллу было противопоказано работать с ним, но он не хотел сам себе в этом признаваться. У него было что-то не в порядке с крестцом. Я чуть не сломал себе затылок, когда, играя на скрипке, сделал сальто с его плеч. Дело в том, что в последний момент, когда я уже начинал делать прыжок, он покачнулся и я потерял равновесие.

Что-то неладное происходило у него и со спинным мозгом. Но Ахилл с ожесточением продолжал тренироваться. Я находился в постоянной опасности. Когда нижний не может крепко стоять — верхний рискует жизнью и здоровьем.

Это случилось на четвертом представлении. При моем прыжке он особенно резко покачнулся и я не смог завершить свое сальто, ударившись плашмя о землю. Слава богу, что на этот раз разбилась только скрипка. Поскольку я не хотел следовать ее судьбе, я отказался работать с Ахиллом, как с нижним. Он, наконец, это понял и мир между нами восстановился, но номер на этом кончился.

В нашей программе было еще два великолепных клоуна: братья Мануэль и Томас Баразетта, из старой цирковой династии. Они были прекрасными артистами, клоунами, акробатами, мастерами трапеции и проволоки. Их мать владела цирком под открытым небом.

Однажды под вечер мы прибыли с этим цирком в небольшой городок Войрон близ Лиона. Цирк посещался очень хорошо, но я надеялся, что все изменится, как только зритель увидит этот номер. Но, увы, все осталось по-прежнему, хотя номер был выдающийся. На мой взгляд, лучший цирковой номер этого жанра, который я когда-либо видел в жизни.

Между двумя высокими мачтами, верхушки которых были трудно различимы в вечернем небе, укрепилась трапеция. Она свисала почти до самой земли. На эту трапецию вставал Томас. И, стоя, начинал ее раскачивать. Все выше и выше вздымалась трапеция и Томас летел в ночном небе, как птица. Силуэты гор сливались с силуэтом летящего тела, воздух свистел, когда гимнаст пролетал мимо, чтобы опять взмыл в небеса. Пока он раскачивался, он стоял, а когда достигалась наивысшая амплитуда, он садился на нее, затем ложился плашмя и наконец — у нас захватывало дыхание — повисал вниз головой, держа трапецию под коленями и в завершающей стадии удерживаясь на одной лишь пальцах ног. Вы можете себе это представить? Только на кончиках пальцев ног взмывал к звездам на тонкой перекладине этот человек.

И несмотря на это, дела цирка шли плохо. Все-таки, вероятно, есть какой-то особый секрет в замкнутой и отгороженной от мира палатке, который образует цирк. Я думаю, что одновременное наблюдение за артистом, горями, звездами уничтожают сам номер. В театре на открытом воздухе все по-другому. Там природа как бы втягивается в игру и может даже усилить впечатление. В цирке этого не происходит. Он сам по себе чудно и нуждается в закрытом помещении. Во всяком случае я никогда больше не работал в цирках на открытом воздухе.

Два месяца я работал в цирке Баразетта. Мы ездили из города в город и поскольку дела шли неважно, я старался экономить во всем. В частности, на отелях. Так как в вагончике для меня не было отдельного спального места, то я оборудовал себе нечто вроде жилья в одном из ящиков для реквизита.

Удивительное существо этот человек. Сегодня, когда у меня богатая вилла в Онеглии, я порой с завистью вспоминаю о тех временах, когда я был беден и лежал на

соломе в деревянном ящике. Тогда у меня все было впереди.

Наступил 1903 год, когда из Адриана Веттахы возник Грок.

Однажды друзья познакомили меня с владельцем одного из лучших швейцарских цирков господином Шмидтом. В прошлом он был хозяином мясного дела, зарабатывал кучу денег и купил этот цирк. Здесь он зарабатывал гораздо меньше, но был безмерно счастлив. Приятель предупредил меня, что он очень добрый человек, но страшный чудака и взбалмошен до невозможности. Вспоминая мой первый разговор с этим толстым лысым мужчиной, смотрящим сквозь толстые роговые очки. Несколько минут он изучал меня молча, а потом спросил:

— Школу посещал?

— Да.

— Хорошо. Крещен и конфирмован?

— Да.

— Хорошо. Надеюсь не католик?

— Нет. Протестант.

— Хорошо. Я так и думал.

— Почему?

— Есть католические носы и носы протестантские. У вас протестантский. Он мне симпатичнее. Теперь скажите, сколько будет тринадцать и двадцать семь.

— Сорок.

— Хорошо. Назовите швейцарских национальных героев.

— Телль, Винкельрид...

— Еще.

— Вальдман...

— Еще.

Больше я не мог никого вспомнить.

— А Оксенбайн? А его забыли? Что? Вы не знаете, кто такой Оксенбайн? Идите, молодой человек, выясните, кто такой был Оксенбайн, и только потом приходите опять. Иначе я не могу вас ангажировать.

Я побежал к друзьям. Те, узнав о моем разговоре со Шмидтом, страшно смеялись. Оказывается, они тоже были застигнуты врасплох на этом же вопросе. Я узнал, что Оксенбайн — предок господина Шмидта, которым он

безмерно гордится. А прославился этот предок тем, что не помню в каком уже веке боролся против некоего Зондербунда, семейного врага Шмидтов.

Усвоив все это, я вернулся к хозяину, выложил ему почерпнутые сведения о его блистательном предке и был тут же принят в труппу.

Да, принят, но не как клоун и прыгун. Я был ангажирован на должность кассира с жалованьем в 250 марок. На следующее утро я уже принимал кассу.

Передававший мне дела бывший кассир поучал:

— Будьте внимательны. Я счастлив, что ухожу, потому что на этой кассе лежит какое-то проклятие. Вы можете делать, что угодно, но каждый вечер будет недостача. Но это не все. По утрам вы должны чистить кассовый фургон. По прибытии и отъезде должны помогать монтировать и демонтировать цирк, запрягать и выпрягать лошадей. Но и это не все. Во время представления вы должны быть на манеже и собирать конский навоз, приносить воду животным и помогать одеваться артистам. Но и здесь не конец. Каждый вечер вы должны с хозяйкой производить подсчеты. Поверьте, что это самое тяжелое.

И все-таки я остался. Несмотря на многочисленные обязанности, я еще находил по утрам время тренироваться. Однажды, когда я, играя на скрипке, делал очередное сальто, меня увидел сам Шмидт. Он страшно на меня закричал, говоря, что я хотел обмануть его, потомка Оксенбайна. С таким номером дела в цирке пойдут гораздо лучше. Но лучше всего, если я добуду себе достойного партнера. Номер от этого только выиграет. Так в моей жизни появился Мариус Галанте, выступавший на манеже под именем Брик.

Галанте, как и мне, 23 года. Атлетически сложенный, он был великолепным нижним. Раньше он выступал в паре как музыкальный эксцентрик. Его партнером был испанец Педро, и оба были известны, как Брик и Брок.

Мы стали прикидывать, какое имя принять теперь нам двоим. Галанте не хотел отказываться от имени Брик, но я не мог брать чужое имя Брок. Однако звучание этого имени меня завораживало. Мы прикидывали так и этак, пока не родилось самое простое — Брик и Грок. Под этим именем я впервые и вышел на манеж 1 октября 1903 года.

ПОДГОТОВКА К ПЕЧАТИ И ПЕРВОЕ ПУБЛИКОВАНИЕ В ПЕРВОМ ИЗДАНИИ